

Отзыв
официального оппонента
о диссертации Шакара Решата «Строение словообразовательного поля
одушевленности в современном русском языке»
на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.01 – русский язык

Диссертационное исследование Шакара Решата выполнено в русле разработанного во второй половине XX века полевого подхода в словообразовании. **Актуальность** темы исследования в диссертации справедливо связывается с отсутствием комплексного описания словообразовательного поля одушевленности как важной части русской словообразовательной системы, хотя отдельные фрагменты указанного поля были предметом различных дериватологических исследований.

Репрезентативность материала исследования (более 10000 лексических единиц из 31 словаря-источника) и **адекватные методы** его изучения (системный словообразовательный анализ, полевой анализ, описательный метод и др.) обеспечили **достоверность** полученных результатов.

В результате проведенного исследования успешно **решены** поставленные автором диссертации **задачи**: установлен полный перечень словообразовательных типов, содержащих значение ‘живое существо’; определены словообразовательные категории на основе данных словообразовательных типов; определена структура словообразовательного поля одушевленности с выявлением центральной и периферийной зон, а также микрополей. Тем самым языковой континуум в сфере словообразования предстает как сложное и многомерное пространство разных по степени регулярности и семантической выраженности переходных зон (ядерный, приядерный, припериферийный сегменты, ближняя и дальняя периферия).

Научная новизна полученных результатов связана с уточнением понятия словообразовательного поля «как комплекса взаимосвязанных словообразовательных категорий, объединенных общим значением ‘живое существо’, выраженным деривационными средствами» (с. 9); с определением объема словообразовательного поля одушевленности; с установлением связей словообразовательного поля одушевленности с другими словообразовательными и смежными языковыми полями.

Теоретическая значимость исследования связана с разработкой принципов разграничения различных частей словообразовательного поля

одушевленности: разных микрополей и зон. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшую разработку теории языкового поля применительно к словообразовательной системе, а также в описание системы комплексных единиц словообразования и системных связей различных участков языка (словообразовательной, лексико-семантической, морфологической подсистем); в теорию функциональной грамматики. Важным для теории словообразования является выдвинутое диссертантом положение, согласно которому словообразовательное поле – «одна из важнейших комплексных единиц словообразования, которая замыкает и организует ряд словообразовательных единиц (словообразовательный тип – словообразовательная категория – словообразовательное поле), используемых в рамках «типового» направления изучения словообразовательной системы» (с. 10).

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в **практике** вузовского преподавания курса современного русского языка («Словообразование», «Лексикология», «Морфология»), в практике преподавания русского языка как иностранного, а также в лексикографической практике.

Структура диссертационного исследования Шакара Решата соответствует логике решения поставленных задач. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии (431 наименование научных работ, а также перечень словарей, источников языкового материала), списка сокращений.

Во **введении** отражены необходимые параметры диссертационного исследования: обоснование актуальности исследования, определение его цели и задач; характеристику источников материала и методов исследования, его научной новизны, теоретической и практической значимости; положения, выносимые на защиту; апробацию исследования.

В **первой главе** «Словообразовательное поле одушевленности и его содержательная основа» на базе глубокого и тщательного анализа научной литературы излагаются теоретические основания изучения словообразовательных полей. Особое внимание уделяется в главе понятию «словообразовательное поле» и его отграничению от смежных понятий «словообразовательная категория», «словообразовательный тип», «словообразовательное гнездо» и др.

Согласно принятой в диссертации точке зрения компонентами словообразовательного поля являются «не словообразовательные форманты с общими значениями, а производные слова, содержащие такие форманты» (с. 33). Непосредственными компонентами словообразовательного поля

являются словообразовательные категории, объединяемые общностью семантики. В главе характеризуется семантическая категория как основа словообразовательного поля, и в особенности семантическая категория одушевленности как языковая категория: рассматриваются проблема номинативной природы семантической категории одушевленности-неодушевленности, номинативное содержание одушевленности. Важными в лингвокультурологическом, когнитивном аспектах представляются рассуждения автора о концептуальной связи понятий ОДУШЕВЛЕННОСТЬ, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ДУША. В социокультурном аспекте теоретически и методически значимым является предположение автора диссертации, «что для лиц со сравнительно ограниченным словарным запасом, не относящихся к числу верующих, этимологически предопределенная связь концепта ДУША с семантикой одушевленности проблематична (хотя она вполне реальна как для лиц, владеющих основами религиозных знаний, так и для образованных людей с широким словарным запасом)» (с. 56). Таким образом, в диссертации показана нецелесообразность рассмотрения одушевленности-неодушевленности как категории «синтаксической» и показаны номинативные основания разграничения ОДУШЕВЛЕННОГО и НЕОДУШЕВЛЕННОГО.

В главе представлена общая характеристика значений, противопоставлением которых образуется семантическая категория одушевленности-неодушевленности: самостоятельность и произвольность концентрируемого движения живого существа при наличии целеполагания к достижению поставленной цели; характер выполняемого живым существом действия (физическое, физиологическое, эмоционально-психическое, интеллектуальное, социальное); характерные для живых существ виды состояний и отношений, непроецессуальных признаков (физиологические, эмоционально-психические, интеллектуальные, социальные), различные формы мыслительной деятельности. При этом отмечается, что «живое существо – лишь один из возможных типов носителей признака одушевленности. Точно так же и значение ‘быть неодушевленным’ может характеризовать не только класс конкретных предметов («вещей»), но и отвлеченных понятий» (с. 65). В главе определено место категории одушевленности в системе семантических категорий русского языка и ее внутренняя структура (функциональная связь одушевленности и пола, взаимодействие двух семантических категориальных противопоставлений ‘лицо’/‘животное’, ‘реальность’/‘ирреальность’, признак ‘рукотворность’/‘нерукотворность’). Иллюстративно доказательны рассуждения о квазидушевленности слов *робот*, *киборг* (с. 74-79), *покемон*

(с. 80-81) в связи с необходимостью различать семантическую языковую сферу одушевленности и ее центральную часть – лексико-семантическое поле одушевленности, куда включаются «только те слова, у которых сема ‘живое существо’ является базовым, исходным звеном разворачивания их семантической структуры» (с. 84): *человек, студент*. Соответственно к словообразовательному полю одушевленности относятся «только такие слова, которые способны выражать базовую сему одушевленности при помощи словообразовательного форманта» (с. 85): *школьник*.

Таким образом, согласно утверждению автора диссертации, «словообразовательное поле одушевленности – формализованная часть лексико-семантического поля одушевленности» (с. 85).

Во **второй главе** «Место словообразовательного поля одушевленности в системе языковых полей» убедительно обосновывается правомерность и необходимость «выделения ФСП одушевленности-неодушевленности, которое в качестве одной из своих составных частей включает и анализируемое словообразовательное поле одушевленности» (с. 94). В главе дается характеристика признаков выделения одного из новых ФСП русского языка – поля одушевленности-неодушевленности, рассматриваются различные средства выражения одушевленности-неодушевленности (морфологические средства, словообразовательные средства).

При этом автор диссертации опирается на новаторское диссертационное исследование А.Г. Нарушевича, в котором характеризуются прежде всего лексический и морфологический, а также синтаксический уровни языкового поля и практически не затрагивается использование словообразовательных средств при выражении семантики одушевленности-неодушевленности, тогда как описанный в главе эксперимент с сопоставлением текстовой доли языковых средств разных уровней при выражении значения одушевленности-неодушевленности подтверждает лишь системное, но не функциональное первенство в данном ФСП морфологической категории одушевленности-неодушевленности. Словообразовательный сегмент ФСП одушевленности-неодушевленности анализируется в главе в системном и функциональном аспектах.

Представленные во второй главе результаты анализа текстового употребления различных средств выражения одушевленности-неодушевленности на материале сплошной выборки 42 субстантивных словоформ свидетельствуют о преимущественной роли лексического сегмента (примерно 70% всех случаев) в ФСП при их рассмотрении с функциональной точки зрения. Другие средства выражения, в том числе и словообразовательные, используются, как правило, в сочетании с

лексическими средствами, но это не отрицает необходимости изучения словообразовательных средств с точки зрения языкового поля, тем более что в диссертации отмечается как минимум 416 субстантивных словообразовательных типов, представляющих словообразовательный сегмент данного ФСП.

Преобладание одушевленных существительных над неодушевленными подтверждается и подсчетами автора диссертации на материале словарей-источников, хотя данные подсчеты показывают, что в последнее время соотношение между одушевленными и неодушевленными существительными все больше меняется в пользу последних.

Особое внимание в главе уделяется суффиксальным типам отглагольных существительных с одним и тем же суффиксом, которые представлены как одушевленными, так и неодушевленными существительными. Подобные «смешанные» типы признаются в диссертации входящими одновременно в оба поля. На примере 26 типов отглагольных существительных в диссертации предложен алгоритм формального разграничения одушевленных и неодушевленных сегментов подобных типов. При этом учитываются семантические характеристики производящей основы, характер частного словообразовательного значения деривата, связанного с типом пропозициональных отношений между производящим и производным в рамках словообразовательной структуры деривата.

В третьей главе «Строение словообразовательного поля одушевленности: система микрополей» характеризуются основания установления структуры словообразовательного поля одушевленности, а также микрополя названий лиц (антропонимов), животных (зоонимов), антропоморфных существ (антропоморфонимов), зооморфных сверхъестественных существ (зооморфонимов). В главе представлено статистическое соотношение лексико-семантических классов одушевленных существительных. Наиболее объемным является микрополе антропонимов с многочисленными ЛСГ. В рамках личного микрополя одушевленных существительных выделяется несколько словообразовательных подклассов: подкласс отсубстантивных словообразовательных типов личных существительных, которые образуют мутационную и модификационную словообразовательную категории, подкласс словообразовательных типов отглагольных личных существительных с мутационным словообразовательным значением и двумя словообразовательными категориями ('лицо по процессуальному признаку', 'лицо по процессуальному признаку и женскости'); подкласс отадъективных личных существительных с мутационными словообразовательными типами,

относящимися к словообразовательной категории 'лицо, характеризующее по процессуальному признаку'. Кроме того, в состав данного микрополя в диссертации включаются нерегулярные отнумеративные и отадвербиальные типы. Этими словообразовательными типами представлены 6 мутационных и 6 модификационных словообразовательных категорий.

Словообразовательное микрополе названий животных – второй по объему (после наименований лиц) лексико-семантический класс одушевленных существительных, представленный многочисленными ЛСГ. В диссертации показано, что, в отличие от существующего в науке мнения, производные зоонимы «имеют ряд существенных отличий от дериватов-антропонимов» (с. 144): многообразие деривационных средств (77 словообразовательных типов), дериваты на базе междометий и звукоподражаний, обилие типов отсубстантивного словообразования с преобладанием мутационных типов над модификационными. В главе проводится разграничение суффиксов, которые характерны только для зоонимов, и тех, которые могут использоваться и при образовании антропонимов, а также выявляются различия микрополей зоонимов и антропонимов в сфере мутационных и модификационных типов (например, в области отсубстантивных существительных с суффиксом *-их(a)*). Указанные различия позволили автору диссертации сделать обоснованный вывод «об отсутствии оснований для отождествления двух микрополей одного поля одушевленности – антропонимов и зоонимов» (с. 156).

В главе выделяется словообразовательное микрополе названий сверхъестественных антропоморфных существ (105 лексем), для краткого обозначения которых в диссертации был введен термин «антропоморфоним». Актуальными в научном плане являются рассуждения об отнесенности к полю одушевленности существительных *киборг, робот, трансформер, андроид, аватар, хоббит* (с. 158-166), а также о разграничении словообразовательной и семантической деривации в области антропоморфонимов. В главе выделены отглагольные, отсубстантивные (мутационные), отадъективные типы антропоморфонимов и характерные для них суффиксы.

В третьей главе также рассматривается вопрос о выделении словообразовательного микрополя названий зооморфных сверхъестественных существ (зооморфонимов). Наряду с традиционными названиями сказочных, мифологических чудовищ, фантастических животных-персонажей (*василиск, гидра, гриф, грифон, дракон, жар-птица, змей, змий, сирин, феникс, химера, цербер, чудище, чудовище, чудо-юдо,*

гоминоид) анализируются зооморфнимы из популярных мультфильмов (*мультяшка, Чебурашка, смешарик, лунтик*).

Таким образом, в работе показано, что каждое из выделенных микрополей отмечается своей деривационной спецификой.

В четвертой главе «Принципы разграничения центра и периферии словообразовательного поля одушевленности» предлагаются основания классификации словообразовательных типов по признаку «отнесенность к центральной↔периферийной зоне поля одушевленности»: особенности семантики словообразовательного типа, регулярность типа, его продуктивность, пересекаемость/непересекаемость по форме с типами, входящими в другие словообразовательные поля.

К центральной зоне поля одушевленности автор диссертации относит мутационные типы отглагольных, отадъективных и отсубстантивных существительных, а к периферийной зоне – модификационные типы со значением женскости, невзрослости. На примере дериватов с суффиксами *-льщик, -авт* показана зависимость их позиции в центре или на периферии словообразовательного поля от степени регулярности и продуктивности словообразовательных типов. В главе показана формальная пересекаемость словообразовательного типа с типами других полей и влияние этого фактора на установление места типа в структуре слова (25 отглагольных, 44 отсубстантивных, 17 отадъективных типов). Подобные типы относятся в диссертации только к периферийной зоне поля одушевленности.

В главе анализируется строение центральной и периферийной зон словообразовательного поля одушевленности. На основе материалов «Русской грамматики» (1990) в диссертации выделено 90 типов центрального поля одушевленности (24 отглагольных, 39 отсубстантивных, 24 отадъективных). Это мутационные типы с опорной семьей ‘одушевленный объект’ (‘лицо’, ‘животное’, ‘антропоморфное ирреальное существо’, ‘зооморфное ирреальное существо’), не пересекающиеся формально с типами неодушевленности. К ядру центрального сегмента поля одушевленности отнесены регулярные и продуктивные типы, к приядерному сегменту – регулярные, но непродуктивные типы, а также нерегулярные, но продуктивные типы. Крайний сегмент центральной зоны поля составляют нерегулярные и непродуктивные типы. К периферии словообразовательного поля одушевленности относятся модификационные типы, семантика которых опосредованно информирует о наличии значения ‘живое существо’.

В главе критически переосмысливаются некоторые словообразовательные категории, традиционно относящиеся к модификационным. Так, собирательность относится к мутации и не связана

со словообразовательным полем одушевленности. Значения подобия, единичности также не относятся к модификационным.

Для определения структуры поля в главе используется понятие гиперкатегории. Словообразовательные гиперкатегории размерности и стилистической модификации, реализуемые как в одушевленных, так и в неодушевленных дериватах, относятся к дальней периферии словообразовательного поля одушевленности. Особое внимание в главе уделяется гиперкатегории биологического пола. Впервые теоретически обосновывается подход, согласно которому «в рамках периферии поля одушевленности оказываются существительные, которые не имеют непосредственного словообразовательного выражения значения одушевленности как такового» (с. 232), например, слова с суффиксами женскости *учительница, стюардесса*. В рамках словообразовательной категории женскости автор выделяет две субкатегории: субкатегория женскости и «субкатегория усиления женскости» (с. 234): *индейка – индюшка*. Наряду с категорией женскости в рамках гендерной гиперкатегории выделяется категория мускулинности (*шельмец, стервец, козел* и др.). «Все категории с субкатегории ‘биологический пол’ имеют словообразовательно оправданное отношение к семантике одушевленности, поэтому относятся к прицентральному сегменту периферийной зоны анализируемого поля – к сегменту «ближней периферии» (с. 237). К периферии поля одушевленности относится также словообразовательная гиперкатегория незрелости, в которую включаются словообразовательная категория незрелости в чистом виде, а также словообразовательная категория с комплексным модификационным значением ‘незрелость + биологический пол’ (субкатегории ‘незрелость + маскулинность’ – *барчук, царевич, поваренок*, ‘незрелость + женскость’ – *царевна, боярышня*).

За рамки традиционного решения вопроса о границах словообразовательного поля одушевленности, включающего только субстантивную лексику, выходит предлагаемое автором диссертации расширение границ указанного поля за счет несубстантивных дериватов (прилагательных, глаголов, наречий, предикативов), отнесенных к крайней периферии поля. Подобная точка зрения является спорной и требует дальнейшей проработки.

Актуальными являются наблюдения автора над развитием словообразовательного поля одушевленности в XXI веке.

Перспективы дальнейшего исследования определены в **заключении**. В заключении также подведены итоги проведенного исследования, в котором был обоснован подход к словообразовательному полю не от

словообразовательного средства – суффикса, а от семантической категории, реализуемой в словообразовательных типах, формирующих поле.

В результате проведенного исследования подтверждается выдвинутая автором диссертации гипотеза, согласно которой «все дериваты, так или иначе выражающие своими словообразовательными формантами значение ‘живое существо’, образуют организованную по принципу языкового поля целостность взаимосвязанных словообразовательных категорий – словообразовательное поле одушевленности» (с. 8).

Таким образом, диссертационная работа Решата Шакара представляет собой самостоятельное, законченное исследование, обладающее теоретической и практической значимостью.

Вместе с тем работа не лишена отдельных недостатков.

Так, во введении отсутствует указание на объект и предмет исследования.

Нуждается в обосновании выделение некоторых суффиксов, например суффикса *-ух-* в слове *пастух* (с. 209), *-ел* в слове *петел* ‘петух’ (с. 154), суффикса *-х(а)* в слове *выпивоха* (с. 137).

Желательно обосновать непродуктивность и нерегулярность суффикса (суффиксоида) *-ман* в слове *лоцман* (с. 209).

В работе встречаются опечатки и речевые недочеты (с. 42, 49, 110, 119, 126, 144 и др.).

Указанные замечания вызваны интересом к проблематике настоящего диссертационного исследования и не затрагивают его концептуального содержания.

Рецензируемое диссертационное исследование обладает несомненным внутренним единством, содержит значительные новые научные результаты, в частности решает задачу, имеющую существенное значение для русистики. В диссертации предложен новый подход к определению структуры словообразовательного поля одушевленности в современном русском языке, что составляет **личный вклад** Решата Шакара в теорию и практику современной русистики.

Диссертационное сочинение, выполненное Решатом Шакаром, представляет собой оригинальное и самостоятельное исследование. Обоснованность выводов, полученных в ходе исследования, теоретическая и практическая значимость результатов исследования дают основание считать, что все положения, выдвинутые на защиту, получили содержательное раскрытие в тексте диссертации.

Автореферат и 7 публикаций автора, в том числе 3 статьи, опубликованные в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, с достаточной полнотой отражают содержание

исследования. Диссертация Решата Шакара соответствует паспорту специальности 10.02.01 — русский язык.

Диссертация «Строение словообразовательного поля одушевленности в современном русском языке», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук соответствует критериям, установленным пп. 9, 10 Положения присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для русистики, а ее автор, Шакар Решат, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой современного русского языка
и общего языкознания,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»,
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23,
8(831)4623090, e-mail: unn@unn.ru

Рацибурская Лариса Викторовна

27 февраля 2017 г.

СВЕДЕНИЯ

об официальном оппоненте по диссертации

Решата Шакара

на тему: **Строение словообразовательного поля одушевлённости в современном русском языке"**

на соискание учёной степени **кандидата** филологических наук

по специальности 10.02.01 – русский язык

1. Рацибурская Лариса Викторовна
2. доктор филологических наук, 10.02.01 – русский язык
3. профессор
4. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ).
Адрес: 603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37,
филологический факультет ННГУ, кафедра современного русского
языка и общего языкознания
сайт: <http://www.fil.unn.ru/>
тел.: 8(831)4338245, 8(831)4334653
5. заведующий кафедрой современного русского языка и общего
языкознания
6. racib@yandex.ru
7. 8(831)4334653, 8(831)4338245

Основные работы оппонента по профилю оппонируемой диссертации за последние 5 лет:

1. Рацибурская Л.В. Прагматические аспекты изучения новообразований в СМИ // Общество и человек. Теоретический и научно-практический журнал по гуманитарным наукам. 2014. № 2 (8). 2014 С. 108-114

2. Рацибурская Л.В. Синтагматика морфем в словообразовательных неологизмах современной русской речи // *Dialogul slavofilor la inceputul secolului al XXI-lea, Anul III, nr. 1*, Editori: Katalin Balázs, Joan Herbil, Editura (Изд-во): Casa Cartii de Stiinta, Cluj-Napoca, 2014. ISSN 2284-9270. p. 23 – 27
3. Рацибурская Л.В. Прагматические аспекты современного русского словообразования // *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte*. Германия: Slavica Varia Halensia, Band 12, 2014, broschiert, 684 Seiten. 2015. С. 342-353
4. Рацибурская Л.В. Диминутивы в текстах современных российских масс-медиа // *Диминутивы в славянских языках: форма и роль* / Editor Irena Stramljič Breznik. Maribor, Bielsko-Biała, Budapest, Kansas, Praha, 2015. С. 331 – 337
5. Рацибурская Л.В. Словообразовательные средства выражения социально-политической оценки в современном медиатексте // *Категория модальности в речевой коммуникации: сб. науч. тр. / под ред. И.Ю. Кукса*. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. 2016. 249 с.. 2016. С. 115–119
6. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: коллективная монография. М.: ФЛИНТА, 304 с. 2014. 304 с.
7. Николина Н.А., Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. 140 с.
8. Рацибурская Л.В., Тимофеева А.А. Современные тенденции в словообразовании русского и чешского языков // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Т. 2. № 6. 2011. С 574-579
9. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А. Лингвокультурологические аспекты современных словообразовательных процессов // *Русский язык в школе*. № 4. 2011. С. 64-71
10. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А. Особенности деривационных процессов в русском языке начала XXI века // *Aktualne problemy językoznawstwa słowiańskiego* (red. Elena Koriakowcewa, Janina Gardzińska). Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 288 s. 2012. С. 175-186
11. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А. Специфика воздействия в современном медийном словотворчестве // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. 2013. С. 162-168

12. Рацибурская Л.В., Торопкина В.А. Словообразовательные неологизмы с негативной оценочностью в текстах СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н.Новгород.: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. Т. 2. № 6. 2013.С. 186-191 .
13. Рацибурская Л.В., Торопкина В.А. Языковые и речевые средства оценки социальных реалий в медийных текстах // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 2 (43). 2015. С. 243 – 247
14. Рацибурская Л.В., Жданова Е.А. Медийные новообразования как средство отражения современной украинской действительности // Филология и культура. Philology and culture. № 2 (40). 2015. С. 46-52
15. Рацибурская Л.В., Торопкина В.А. Деривационные средства воздействия на читателя в публицистическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Выпуск 103. № 9(391)2016. 2016. С. 174-179.

Подпись официального оппонента _____

Дата 27.12.2016

